

УДК 343.131

НЕДОПУСТИМОСТЬ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. А. Анопко

Академия управления МВД России,

адъюнкт

e-mail: legal_science21@rambler.ru

Аннотация. В статье проводится анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства отдельных государств, возникших на постсоветском пространстве, регламентирующих вопросы недопустимости разглашения данных досудебного производства. Отмечается определенная схожесть нормативного регулирования процессуального порядка обеспечения следственной тайны. Рассматриваются вопросы уголовной ответственности за несоблюдение запрета разглашения данных предварительного расследования.

Ключевые слова: данные предварительного расследования, следственная тайна, разглашение данных досудебного производства, участники уголовного судопроизводства, сохранение конфиденциальности.

Annotation. The article analyzes the norms of criminal and criminal procedure legislation of individual states that have emerged in the post-Soviet space, regulating the issues of inadmissibility of disclosure of pre-trial data. There is a certain similarity of the regulatory regulation of the procedural order of ensuring investigative secrecy. The issues of criminal liability for non-compliance with the prohibition of disclosure of preliminary investigation data are considered.

Keywords: preliminary investigation data, investigative secrecy, disclosure of pre-trial data, participants in criminal proceedings, maintaining confidentiality.

В процессе досудебного производства зачастую возникает необходимость сохранения в тайне данных предварительного расследования. Российский законодатель предусматривает право следователя или дознавателя наложить запрет на разглашение сведений, содержащихся в материалах уголовного дела, для лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений (ст. 161 УПК Российской Федерации). Нарушение такого запрета влечет уголовную ответственность по ст. 310 УК Российской Федерации «Разглашение данных предварительного расследования».

Аналогичные нормы содержатся в уголовно-процессуальном и уголовном законодательствах практически всех государств постсоветского пространства.

Конструкции норм, регламентирующих порядок обеспечения тайны предварительного расследования и правовые последствия его несоблюдения,

предусмотренных в УК и УПК Российской Федерации, несовершенно: отсутствует ясность относительно круга субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности за нарушение следственной тайны; законодательно не определен временной период, в течение которого нельзя разглашать сведения досудебного производства; нет аутентичного толкования об объеме сведений, образующих тайну предварительного расследования.

Похожие проблемы имеются в законодательной регламентации «тайны следствия» стран СНГ и других стран — бывших республик, входящих в состав СССР.

В силу ч. 3 ст. 161 УПК Российской Федерации субъектами, на которых может быть возложена обязанность неразглашения данных предварительного расследования, являются участники уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК Российской Федерации данный перечень дополняется участниками проверки сообщения о преступлении. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации из перечня участников уголовного судопроизводства, которые могут предупреждаться о неразглашении без соответствующего разрешения ставших им известными в связи с участием в предварительном расследовании данных, исключаются подозреваемый и обвиняемый [1]. Очевидна потребность четкого перечисления в ст. 161 УПК Российской Федерации круга субъектов, обязанных (при принятии соответствующего решения следователем или дознавателем) сохранять в тайне данные предварительного расследования.

Нормативная неопределенность относительно субъектов уголовного судопроизводства, на которых может быть возложено бремя хранить в тайне сведения, содержащиеся в материалах расследования, имеется в большинстве уголовно-процессуальных законов стран — бывших союзных республик.

Так, в УПК Республики Армения (ч. 2 ст. 201), УПК Республики Казахстан (ч. 2 ст. 201), УПК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 173), УПК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 177), УПК Туркменистана (ч. 8 ст. 49), УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198), УПК Республики Молдова (ч. 2 ст. 212) приводится простое перечисление участников уголовного процесса (свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт), заканчивающееся словами «и другие лица». То есть нормы допускают расширительное толкование ввиду того, что точного перечня лиц, обязанных соблюдать следственную тайну, нет.

В УПК Украины (ч. 2 ст. 222), УПК Эстонской Республики (ч. 3 ст. 214), УПК Азербайджанской Республики (ч. 2 ст. 222), УПК Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 353), УПК Грузии (ч. 1 ст. 104) говорится об участниках уголовного процесса, лицах, участвующих в следственных действиях или присутствующих

при их производстве, участниках процессуального действия без какого-либо указания на их процессуальные статусы.

Обвиняемый и подозреваемый законодательно исключены из числа субъектов разглашения данных предварительного расследования в УПК Республики Узбекистан (ч. 2 ст. 353) и УПК Эстонской Республики (ч. 3 ст. 214). Наоборот, указаны в числе лиц, обязанных хранить в секрете сведения предварительного следствия и дознания, в УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198).

Российский законодатель не включает в число лиц, которые могут быть предупреждены о недопустимости разглашения данных расследования, властных субъектов — лиц, в чем производстве находится уголовное дело, прокурора, судью. Соответственно, данные лица не подлежат уголовной ответственности за разглашение данных следствия по ст. 310 УК Российской Федерации. Аналогичны законодательные подходы в анализируемых УПК зарубежных государств. Исключение — УПК Республики Молдова, УПК Украины и УПК Азербайджанской Республики. В уголовно-процессуальном законе Молдовы содержится указание на лиц, осуществляющих уголовное преследование и контроль деятельности органа уголовного преследования (ч. 3 ст. 212 УПК Республики Молдова). В уголовном законодательстве данной страны предусмотрена ответственность для данных лиц, если «...разглашение данных уголовного преследования повлекло причинение морального или материального ущерба подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему или их представителям, либо способствовало уклонению виновного от ответственности» (ч. 2 ст. 315 УК Республики Молдова). Уголовно-процессуальный закон Украины, как указывалось ранее, не конкретизирует субъектов, для которых разглашение сведений досудебного производства является недопустимым (в случае предупреждения об этом следователем или прокурором). Однако ч. 2 ст. 387 УК Украины предусматривает уголовную ответственность за разглашение данных ОРД и досудебного расследования, совершенное судьей, прокурором, следователем, работником оперативно-разыскного органа. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджана допускает возможность привлечения к ответственности за разглашение данных предварительного расследования лица, осуществляющего уголовный процесс, в том случае, если произошло распространение данных досудебного производства каким-либо участником процесса, который не был предупрежден о недопустимости разглашения, если эти действия послужили препятствием нормальному ходу расследования, раскрытию преступления или задержанию преступника (ч. 4 ст. 222 УПК Азербайджанской Республики).

Кроме этого, УК Туркменистана содержит специальную норму — ст. 205 «Разглашение служебной информации», согласно которой работник органа, ведущего уголовный процесс, может быть привлечен к ответственности за раз-

глашение информации, которая была ему доверена либо стала известна по службе или работе в связи с выявлением, пресечением или расследованием преступлений.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нет указания на момент начала и окончания действия запрета разглашения данных предварительного расследования. Наименование ст. 161 УПК Российской Федерации «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» и ее диспозиция позволяют предположить, что запрет разглашения может быть наложен с момента начала расследования, то есть после возбуждения уголовного дела. Однако нормы, регламентирующие процессуальный порядок рассмотрения сообщения о преступлении, предусматривают право лица, проводящего доследственную проверку, предупреждать о недопустимости разглашения сведений участников данной проверки в соответствии со ст. 161 УПК Российской Федерации. Тем самым законодатель отодвигает начало запрета разглашения данных досудебного производства на период, когда предварительное расследование фактически еще не началось.

В государствах, отказавшихся от возбуждения уголовного дела в понимании отечественного законодателя (Казахстан, Украина, Грузия, Молдова, Эстония), проблема определения момента начала запрета разглашения данных расследования не стоит. В этих странах досудебное расследование не делится на этапы до и после возбуждения производства по уголовному делу, а начинается проверкой сообщения о преступлении посредством проведения всего спектра следственных и процессуальных действий и заканчивается прекращением дела или направлением его в суд. Следовательно, предупреждение о неразглашении данных досудебного производства может быть сделано в любой момент расследования.

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законов Азербайджана, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана позволяет сделать вывод о возможности запрета разглашения данных расследования после возбуждения уголовного дела. В названных государствах предусмотрена уголовная ответственность за разглашение данных дознания и предварительного расследования (предварительного следствия) — ст. 300 УК Азербайджанской Республики, ст. 342 УК Республики Армения, ст. 333 УК Кыргызской Республики, ст. 361 УК Республики Таджикистан, ст. 204 УК Туркменистана, ст. 239 УК Республики Узбекистан. Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 407), помимо разглашения данных дознания и предварительного следствия, предусматривает ответственность за умышленное разглашение данных закрытого судебного заседания. В УПК Республики Узбекистан сделано исключение для эксперта, который может предупреждаться об ответственности за

разглашение данных дознания и предварительного следствия должностным лицом органа, осуществляющего доследственную проверку (ч. 2 ст. 183 УПК Республики Узбекистан).

Объем сведений, образующих следственную тайну, в УПК Российской Федерации не определен. Нет четкого перечня данных предварительного расследования, не подлежащих разглашению, и в анализируемых уголовно-процессуальных законах зарубежных государств. Полагаем, что определение совокупности сведений, разглашение которых в ходе досудебного производства недопустимо, — дискреционное право лица, осуществляющего расследование по уголовному делу.

Непременным условием привлечения к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования по ст. 310 УК Российской Федерации является отобрание следователем (дознавателем) у участника уголовного процесса подписки о недопустимости данного действия. Подписка (письменное обязательство) как условие наступления ответственности за разглашение сведений досудебного производства предусмотрена УПК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 198), УПК Казахстана (ч. 2 ст. 201), УПК Кыргызстана (ч. 2 ст. 173), УПК Таджикистана (ч. 2 ст. 177), УПК Туркменистана (ч. 2 ст. 173), УПК Узбекистана (ч. 1 ст. 353).

Законодательство Азербайджана (ч. 4 ст. 222 УПК Азербайджанской Республики) и Армении (ч. 2 ст. 201 УПК Республики Армения) обязывает следователя, дознавателя (орган дознания) предупреждать участников судопроизводства о неразглашении данных расследования в письменном виде. Отсутствие письменного предупреждения исключает ответственность для субъекта процесса за оглашение сведений, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу.

В Молдове рассматриваемым условием является письменное заявление лица — участника процесса о том, что он был предупрежден о недопустимости разглашения сведений об уголовном преследовании (ч. 2 ст. 212 УПК Республики Молдова).

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Украины и Эстонии содержит указание на необходимость предупреждения участников досудебного производства о недопустимости разглашения данных следствия, однако не конкретизирует форму такого предупреждения (ч. 1 ст. 104 УПК Грузии, ч. 2 ст. 222 УПК Украины, ч. 1, 2 ст. 214 УПК Эстонской Республики).

Предание гласности данных предварительного расследования, в соответствии с ч. 2 ст. 161 УПК РФ, правомерно с разрешения следователя или дознавателя в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым. УПК Рос-

сийской Федерации не регламентировал порядок получения такого разрешения и его форму, что, безусловно, является существенным нормативным пробелом.

Аналогичный недостаток содержится в УПК Азербайджана, УПК Армении, УПК Беларуси, УПК Грузии, УПК Казахстана, УПК Молдовы, УПК Таджикистана, УПК Туркменистана, УПК Узбекистана, УПК Эстонии.

Указание на письменную форму разрешения следователя или прокурора о разглашении сведений досудебного производства содержит УПК Украины (ч. 1 ст. 222). Причем в данном письменном разрешении должны быть конкретизированы сведения, разглашение которых допустимо.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызстана не предусматривает возможность получения разрешения на разглашение данных следствия (ст. 173). Однако уголовный закон данного государства в ст. 333 УК Кыргызской Республики признает легитимным оглашение данных расследования, если оно совершено с согласия прокурора или следователя. Процессуальная форма и порядок получения такого согласия УПК Кыргызской Республики не регламентированы.

За разглашение данных предварительного расследования уголовное законодательство России предусматривает уголовную ответственность по ст. 310 УК Российской Федерации. Данная норма имеет формальный состав, то есть наступление общественно опасных последствий для признания преступления окончанным не является необходимым.

Практически все рассматриваемые в данном исследовании законы государств постсоветского пространства в той или иной степени воспроизводят российскую норму и, соответственно, предусматривают ответственность за нарушение тайны следствия без учета наступления негативных последствий. Иными словами, последствия, даже если они наступили, являются юридически незначимыми для квалификации действий лица, нарушившего запрет о разглашении данных предварительного расследования. В качестве исключения следует обозначить УК Азербайджанской Республики, который в ст. 300 содержит указание на наступление морального или материального вреда заинтересованному лицу как условие наступления уголовной ответственности за разглашение данных дознания или предварительного расследования.

Уголовный закон Молдовы предусматривает ответственность за разглашение данных уголовного преследования не только для участников судопроизводства, вовлеченных в сферу процессуальных отношений, но и для лиц, осуществляющих уголовное преследование и уполномоченных осуществлять контроль за уголовным преследованием. К условиям наступления ответственности законодатель подходит дифференцированно в зависимости от субъекта преступления. Если для «простых» участников уголовного процесса наступление

негативных последствий деяния, предусмотренного ст. 315 УК Молдовы, лежит за рамками объективной стороны, то для обозначенных выше властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности причинение морального или материального ущерба подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему или их представителям, а также способствование уклонению виновного от ответственности является безусловным условием ответственности за разглашение сведений досудебного производства.

В Уголовном кодексе Украины подобный подход к вопросам ответственности за разглашение данных оперативно-разыскной деятельности и досудебного расследования. Часть первая ст. 387 УК Украины предусматривает в качестве субъекта деяния лиц, предупрежденных в установленном порядке не разглашать данные расследования. Вторая часть указанной нормы регламентирует ответственность для судьи, прокурора, следователя, работника оперативно-разыскного органа. Данные нормы построены как формальные составы. Квалифицированным видом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 387 УК Украины, является разглашение данных, которые позорят человека, унижают его честь и достоинство.

Проведенный сравнительный анализ норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства государств постсоветского пространства и законов Российской Федерации выявил похожесть проблем нормативной регламентации запрета на разглашение данных предварительного расследования и вопросов ответственности за его несоблюдение. В то же время отдельные законодательные установления, обнаруженные в кодексах других стран, являются более корректными по сравнению с нормами УК Российской Федерации и УПК Российской Федерации, а потому могут быть взяты за основу при нормативном совершенствовании вопросов недопустимости разглашения сведений досудебного производства.

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)